

Немного романтики

На голых пластах

Кузнецкстрой засиял на неровных пластах громадных голых пространств. Прорвалась и хлынула сюда жизнь. Кузнецкстрой возник в далекой мало-освоенной суровой стороне — на две с половиной тысячи километров восточнее Магнитной. Он ушел вдвое дальше от центров нашей страны, чем холодный Урал, — в Сибирь, в Азию, в снег, в тайгу. Сошлись в электрическое созвездие: Прокопьевск, Кемерово, Сунженка, Анжерка, Белово, Ленинск, Кузнецк, Тельбес. Линией электрического течения промышленная революция перебрасывается в Сибирь. Созидает новый промышленный плацдарм торжествующий социализм.

Никакой экспресс не в силах быстро добраться в эти края. Дни и ночи рассекает экспресс расстояния, скованные туманом и льдом. Ртуть в наружном термометре поезда, ожегшись о сибирскую зиму, летит вниз. Поезд, миновав угольные подземелья Кузбасса, устав, оледенев, ударяется в тупик.

Дальше нет пути.

Дальше горы.

Если бы взгляд видел на несколько сот километров вперед, он заметил бы очертания границ Китая, Афганистана, Монголии.

В глуши рождается Кузнецкстрой. Сияние бриллиантовых огней среди черного океана сибирской ночи. Ключ к наполненным сказочными богатствами сундукам Сибири. Угроза капиталистическому Герри ¹.

Площадка строительства курится бесчисленными дымками как поле боя. Кинооператор мог бы выбрать эту картину для батальных кадров своей фильмы. Романтика строительства: километровые цехи, невиданные в истории нашей техники, гигантские трубы, кружева железных конструкций на фоне гор, великолепные развороты битв с мерзлой землей, гневные голоса бетономешалок, взрывы скал, гор, головокружительные взлеты бремсбергов.

Сквозь хаос лесов — четкие контуры подымающегося гиганта. Ломаются о сталь и стекло копыя лучей. Ослепительные пучки света высекаются на стеклянных крышах новых цехов. Пышный снег растерзан бегом машин, людей. Люди вооружают землю машинами.

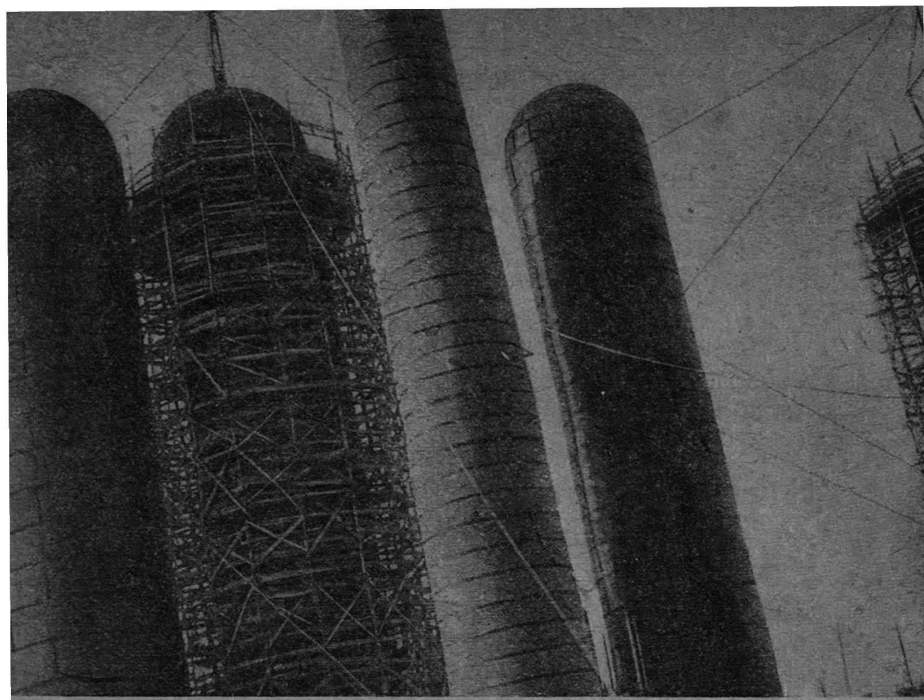
Леса ГРЭСа ² каждую ночь меняют свои очертания. ГРЭС каждый час растет вверх, вдоль, вширь. Вошли в небо домны, каупера, трубы. Распластались могучие, стокие, монументальные тепляки.

Сверкают в ночи иллюминированные горы — каменные карьеры. По насыпям и внизу — по земле — шныряют тенями и вдруг рассыпают снопы света паровозы, краны, автобусы, грузовики. В ямах, забоях, котлованах люди бьют мерзлую землю, льют горячий бетон по жолобам вниз — в раскрывшуюся пасть земли. Черными силуэтами землекопы на фоне прожекторов замахивают высоко над головой кирки и с силой опускают их на каменную почву.

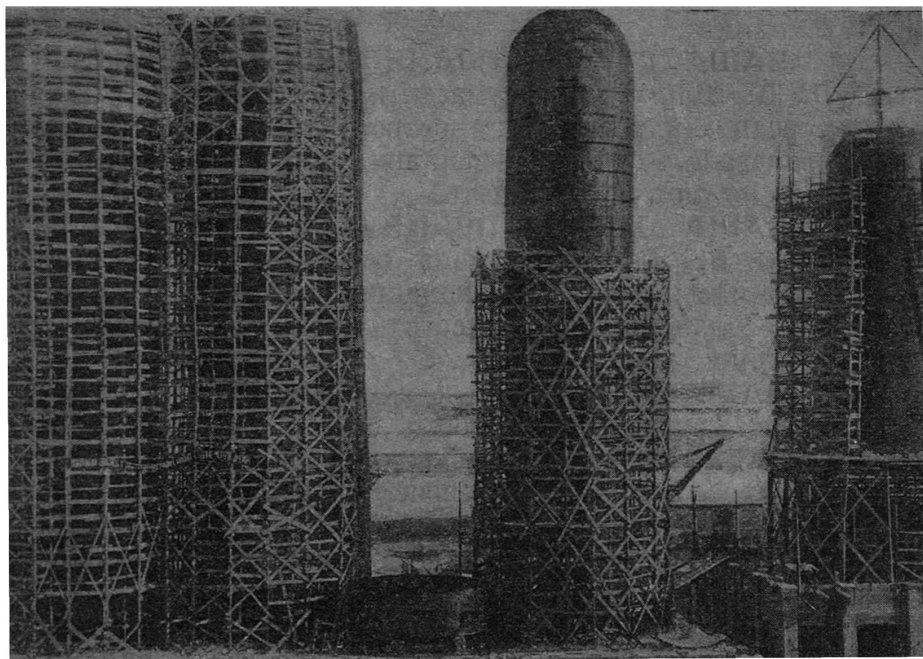
Днем и ночью растет Кузнецкстрой. Будущий

¹ Крупнейший металлургический завод в мире (Америка).

² ГРЭС — государственная районная электрическая станция.

ВОШЛИ В НЕБО ДОМНЫ, КАУПЕРА, ТРУБЫ

завод-колосс, завод-конвейер. Здесь будут двигаться гигантские потоки УГЛЯ, КОКСА, РУДЫ, выделяя ЭНЕРГИЮ, ГАЗЫ, ТЕПЛО. Здесь ежечасно будут рождаться ЧУГУН, СТАЛЬ, БАЛКИ, РЕЛЬСЫ. Днем и ночью растет Кузнецкстрой, включаясь в конвейер жизни нашей страны, в конвейер социалистического натиска.

Большой праздник — строить такой завод. Добиваться каждый час успехов. Давать жизнь десяткам образцовых цехов.

„Наша страна“

— НАША СТРАНА ПОДНЯЛАСЬ НА НЕБЫВАЛУЮ ВЫСОТУ! — доносится с трибуны.

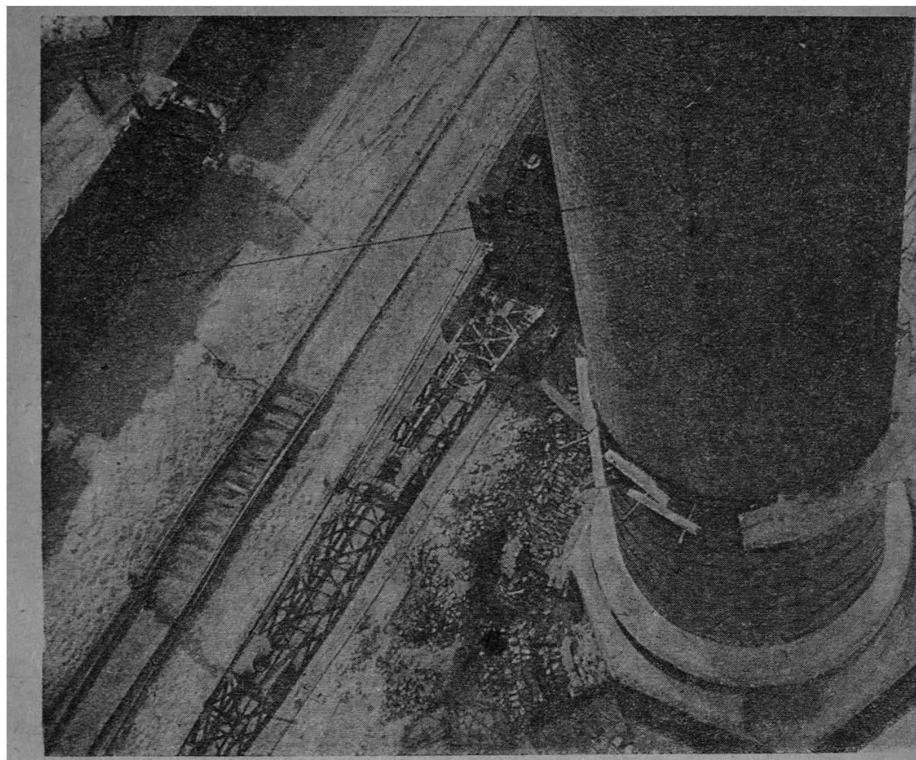
Лица слушателей-сибиряков огрубели в борьбе с природой и классовым врагом.

«НАША СТРАНА ПОДНЯЛАСЬ НА НЕБЫВАЛУЮ ВЫСОТУ!» — думает ударник механического цеха Береснев и вспоминает, с каким трудом он, крестьянин, овладел радиально-сверлильным станком.

«НАША СТРАНА ПОДНЯЛАСЬ НА НЕБЫВАЛУЮ ВЫСОТУ!» — думает крановщик Игнатьев, курсант курсов машиностроения, и вспоминает крановый экскаватор деррик, с которым он никак не может совладать.

«НАША СТРАНА ПОДНЯЛАСЬ НА НЕБЫВАЛУЮ ВЫСОТУ!» — думает верхолаз Кручинин и вспоминает стальные колонны мартена, которые он, балансируя в высотах, скрепляет друг с другом.

«НАША СТРАНА...» — думают ударники Кузнецкстроя, монтажники, которые сквозь паутину лесов возносят на отчаянную высоту железные пояса кожухов домен и кауперов, трубоклады, на высоте 25-го этажа кладущие кирпич, котельщики, которые не бросали работы в 40-градусные морозы.

ПЫШНЫЙ СНЕГ РАСТЕРЗАН БЕГОМ МАШИН, ЛЮДЕЙ.

«НАША СТРАНА...» — думает инженер Сазыкин, автор блестящего проекта по прокладке водопровода, и смотрит в лица людей — рабочих и молодых специалистов, которые должны быть по справедливости названы коллективным автором и воплостителем зародившейся у Сазыкина идеи.

«НАША СТРАНА...» — думает кореец Пан-Килю, ударник электростанции, и вспоминает:

«Я родился в местечке Тан-Чин, в Корее. Как я попал в эту удивительную страну — СССР? Мальчиком оказался в жандармской России. Пилил лес с раннего утра до поздней ночи, мало спал и много голодал. Русский царь заставил меня

рыть окопы! Сейчас я, кореец, строю свой ГРЭС. Сейчас я — хозяин ГРЭСа!»

Сибирские крестьяне, никогда не участвовавшие в заводском строительстве, взирают с неослабным интересом на Кузнецкстрой. В сознании их проносятся деррики, конструкции, бетономешалки, транспортеры, пояса, станки. Механизмы, механизмы. Карусель машин. Землекоп больше не имеет права работать так, как он работал раньше. Нельзя рядом с дерриком рыть яму подобно кроту. Надо поспевать за дерриком! Сколько труда, сколько ошибок, сколько падений по дороге!

Ученые мира! Попробуйте изучить этот новый (который уже по счету?) революционный скачок тысяч человеческих существ, отсталых, подавленных, забитых царским строем, оттесненных в медвежьи углы Российской империи, — этот изумительный переход от вынужденной пассивности к величайшей активности! Люди копаются в своей памяти, вытаскивают все виденное в жизни, на временной работе в мастерских, у кулаков, на заработках в городе, на войне, в плену, — и несут все крупницы своего опыта сюда, на эти сколоченные наспех трибуны.

„Их страна“!

«Их страна поднялась на небывалую высоту!» — думает инженер Дмитриев и сейчас же спохватывается: — «Почему их страна, а не наша страна? Я старый инженер и старый интеллигент. Но разве я не сделал для них (почему для них? — для нас!) все, что мог, чтобы вырвать коксовый цех из цепких и хищных рук вредителей? Разве здесь мало оказывают мне доверия? Так в чем же дело? Откуда эти обмолвки?»

Дмитриев вынужден вспомнить, что он не преодолел в себе еще многого. Недавно, раздраженный присылкой к нему в цех одних только новых

рабочих, он позволил себе бросить фразу: «Долго ли вы будете присылать ко мне эту коричневую рвань?» Да, он еще недостаточно верит в этих людей.

«Их страна поднялась на небывалую высоту!» — думает американский инженер Гленн, представитель капиталистической фирмы Фрейн, участвующей в строительстве Кузнецкого завода.

И американец машинально повторяет фразы, которые он недавно написал в статье:

«Они действительно готовы отдать всю свою энергию для выполнения пятилетнего плана! Они отдадут все силы для того, чтобы во-время окончить строительство!»

«Их страна...» — думает инженер Король. «Вследствие какой несчастной ошибки я родился в этой стране? Почему я должен был учиться в московском институте инженеров транспорта — душном советском вузе? Долго ли я вынужден буду скрывать свое настоящее отношение к этой случайной для меня родине? Пусть попробуют заставить меня делать больше того, что я должен делать, чтобы честно зарабатывать свой хлеб!..»

«Их страна!..» — думает Церцвадзе, человек в рабочей блузе и с подпольной меньшевистской пуговкой в кармане.

Он еще раз продумывает план своей работы: Срыв собраний. Поощрение рвачества. Вредительство. Антисоветская пропаганда в бараках. Использование оппортунистического поведения отдельных коммунистов.

Церцвадзе надеется заработать хороший куш у пославших его людей.

„Душа“ строительства

С вершин гор, окружающих Кузнецкстрой, строительство видно как на ладони. Мы взойшли на гору с группой рабочих Кузнецкстроя. Один из них показал рукой вниз, на котельный цех:

— Этот цех мы строили собственными руками!
В его словах звучала радость и гордость.

Он пришел из колхоза строить завод и решил остаться работать на одном из новых станков.

«Душа» строительства — это громадная масса энтузиастов-рабочих, руководителей, младшего и среднего технического персонала. Коммунистов, комсомольцев, беспартийных ударников. Их героизм виден на всех участках строительства.

Слабость партийного, профсоюзного и комсомольского руководства на строительстве некоторое время осложняла путь Кузнецкстроя к успехам.

Но, движимый энтузиазмом масс и большевистской энергией многих руководителей, гигант подымался.

...Опыт первого года строительства полон героических побед, но иногда и нелепых провалов. Кузнецкстрой должен вдуматься в опыт первого года своей жизни. Он должен восстановить в своей памяти захватывающую повесть о самом себе — строящемся гиганте.

Возведение цеха

В оболочке тепляка

Цех растет изнутри. С первых дней своего зарождения он заключается в оболочку тепляка. Внутри тепляка течет неведомая внешнему миру жизнь.

Громадное египетское сооружение, в четверть километра длиной, иногда чуть-чуть содрогается от толчков внутренних производственных процессов. Тепляк стойко отражает внезапные взрывы ветра и снежных бурь, только потрескивая от морозов.

Настанет день, и цех выскользнет из тела тепляка, он покинет свою легкую, прочную оболочку, как только почувствует себя достаточно защищенным от ударов природы. Создатель цеха — человек — последний раз проведет инструментом по своему творению.

Живи, цех, свети, пылай!

Тепляк раздвигает густой мрак ночи бесчисленными ланцетами своих огней.

Войдем внутрь. Пусть после мороза обдаст нас спокойное тепло, пусть на минуту застелет нам глаза туман от излучающихся паров и дым от жаровен, пусть поразит нас зрелище развороченной, растерзанной земли, человеческих и конских масс на гигантских шахматных пластах почвы. Уже застелили цех подмости и мосты с узкоко-

лейкой. Деррики, копры, сваи, молотки. Загрохотали удары о забиваемые сваи.

Томный молодой человек смотрит на подготовку фундаментов для коксовых батарей. Фундамент должен быть прочен: иначе фирма молодого человека откажется от ответственности за установку коксовых печей.

Цех на болоте

Инженер Роберт, представитель французской фирмы «Дистикок», созерцает возведение социалистического цеха.

На его глазах эти люди — большевики — прорвались сквозь бездну трудностей. На глазах французского инженера были прорваны грудью смертоносные заграждения, которые поставили на пути рождения цеха агенты его правительства. Рука русских контрреволюционеров, дрожа от вражды, проникла к планам расположения цеха и посадила цех на скрытое болото. Уйти потом от своего места цех никуда не мог. Уйдя, он разорвал бы конвейерную цепь завода. Цех выпал бы из этой цепи, он превратил бы завод в уродца, он сделал бы нерентабельным производство чугуна.

Хорошо учел это полпред «Промпартии», выбиравший место цеху. Он почти наверняка готовил гибель цеху, а с ним и заводу, получающему пищу из коксовых печей. Он хотел перерезать заводу пищевод. Он знал, что на болоте, когда оно обнаружится, только сумасшедшие рискнут поставить печи, весом в десятки тонн каждая.

Он начертил план расположения угольных ям с левой горной стороны цеха. Строители должны были выворачивать сначала мерзлый грунт горных пластов и, дойдя до уровня площадки завода, идти от нее в многометровую глубину. Половина этой работы была сделана зря: люди рыли землю над уровнем площадки.